УДК 316.3/.4(1-22)(571.56)”197/198”

Винокурова Лилия Иннокентьевна – канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск). *E-mail: lilivin@mail.ru*

Л.И. Винокурова
L.I. Vinokurova

Власть и общество в сельской повседневности Якутии. 1970 – 1980-е гг.

В статье освещены вопросы повседневной жизни якутских сел в 1970 – 1980-х гг. в контексте взаимоотношений власти и общества. Затронуты аспекты государственной аграрной политики и ее воздействия на сельскую повседневность. Анализируется восприятие жителями сельских поселений персонифицированной власти разных уровней. Местная и республиканская власти были ближе, но высшая всесоюзная власть считалась всезнающей силой, вызывающей бесспорную благодарность за поднявшийся уровень жизни на якутском селе. Как показывает реконструкция восприятия власти в сельской повседневности Якутии 1970 – 80-х гг., прослеживаются два основных ракурса. Во-первых, люди осознавали вертикальную иерархию «строгой и сильной власти», относясь к ней с определенной долей уважительного страха; во-вторых, селяне оценивали власть как всемогущую силу, обязанную и способную решать все вопросы жизни.

Ключевые слова: *социальная история, сельская повседневная жизнь, Якутия, власть.*

The authorities and the society in the rural daily life of Yakutia: 1970 – 1980th

The article is devoted to the daily life of the rural settlements of Yakutia in the epoch of late socialism, in which were reflected various aspects of the relations between the authorities and rural society. The perception and the relations to different levels of personalized power of rural residents are analyzed.

Keywords: *social history, rural daily life, Yakutia, the authority.*

Взаимоотношения власти и общества являются одной из актуальных исследовательских проблем в отечественной гуманитарной науке, к которой в контексте проблем современности часто обращаются философы, политологи и социологи. К историческим аспектам, к прошлому взаимоотношений региональной власти с местными сообществами обращаются не столь регулярно. На материалах Республики Саха (Якутия),

одного из субъектов Дальневосточного федерального округа России, история власти и управления в качестве особой темы или фрагмента исследования выступала только в отдельных случаях. Внимание исследователей, в частности, привлекали сюжеты политической истории советского периода, формирования аппарата государственной власти, персональные политические биографии[1, 2]. Аспекты взаимоотношений власти с региональным обществом на разных этапах прошлого столетия остаются малоизученными; вопросы присутствия власти в социальной реальности, восприятия власти населением республики в менявшихся условиях практически не освещены.

Между тем, эта сторона истории края представляется важной не только для целостной реконструкции прошлого, но и для понимания многих социально-экономических, культурных явлений в современной Якутии. В свете текущих процессов ускоренной урбанизации, активной миграции и «вымывания» сельского населения особенно актуально обращение к анализу взаимоотношений власти и простых людей в сельской местности Якутии. В рамках статьи тема рассмотрена на материалах позднего социализма – периода 1970 – 1980-х гг., т. е. наименее освещенного в региональной историографии временного промежутка.

В целом, идеологический подход в аграрных исследованиях советского периода ориентировал на освещение безусловных успехов социализма на селе. Вкупе с отсутствием доступа к ряду информативных источников это значительно ограничивало возможности изучения сельских реалий. В историографии Якутии социальные аспекты сельской жизнедеятельности интересующего нас периода получили значительно меньшее, по сравнению с производственными вопросами, освещение. История, собственно, производства и социалистического соревнования среди работников сельского хозяйства достаточно подробно освещена в трудах С.И. Ковлекова [3]. История формирования трудовых кадров совхозов изучена Л.И. Винокуровой, ею были отмечены расточительство по отношению к рабочей силе при постоянном «кадровом голоде» на селе, небрежное отношение к сельскому человеческому и материальному капиталу [4].

Анализируя аграрное производство в республике, С.И. Ковлеков систематизировал и ввел в научный оборот большой объем свидетельств самоотверженного труда сельских жителей. При этом, были отмечены такие явления, как приписки и надувательство в хозяйственных отчетах, вместо профессионального менеджмента и объективного экономического анализа. Сюжеты показухи, отсутствия материальных стимулов для повышения производительности в советских хозяйствах встречаются в трудах и якутских экономистов [5].

К социальным аспектам развития якутского села одним из первых обратился И.А. Аргунов, осветивший изменения в сельском образе жизни под воздействием государственной аграрной политики. Им была актуализирована тема сельских социальных негативов, обусловленных в числе иных факторов отставанием социально-экономических показателей

развития сельской местности, по сравнению с городскими (промышленными) поселениями, обозначены болезненные проблемы 1970-х гг. в национальных селах: демографические перекосы и распространение алкоголизма. Именно этот автор назвал 1970-е гг. временем «социального оптимизма» для сельских жителей Якутии [6].

Средства массовой информации на обоих государственных языках пропагандировали ожидаемый качественный рывок как в производственных, так и в социальных показателях: шла «завершающая волна» преобразования всех якутских колхозов в совхозы – в высшую форму социалистической организации хозяйства. Союзное руководство требовало резкого подъема аграрного сектора как продовольственной базы для горнодобывающих промышленных очагов. Росла потребность в аграрной продукции, что требовало расширения сети подсобных, государственных и советских хозяйств, повышения товарности аграрного сектора экономики.

Планировался масштабный фронт работ: широкая механизация, большой объем лугомелиоративных работ, повышение производительности труда, совершенствование организации сельскохозяйственного производства и укрепление его кадрами. К сожалению, аграрная политика и на этом этапе модернизации сельской жизни пошла по пути спешной унификации: в Якутии преобразованиям подверглись и экономически стабильные колхозы – рентабельно работающие, с собственными традициями рационального хозяйствования. Подобный выбор пути вызывал сомнения уже у современников, поспешность и хозяйственная непродуманность кампанейщины в реорганизации встречали недовольство колхозников, порою даже нежелание переходить в новую форму хозяйствования [7].

Среди неоднозначных последствий череды хозяйственных реформ в сельской местности следует указать на изменения в укладе и образе жизни сельского населения. Трансформировалась сеть расселения коренного населения: если в начале 1960-х гг. в сельской Якутии насчитывалось свыше 4400 поселений, то в 1979 г. населенных пунктов стало уже 726. Изменилась и структура расселения: треть населения сосредоточилась в крупных селах с населением более 1000 чел., четко обозначилась тенденция к централизации сельского расселения.

С небольшим опозданием от центральных районов России дошла до Якутии волна ликвидации «неперспективных сел». Кампания сопровождалась исчезновением малых производственных участков и традиционных частных зимних и летних поселений на землях совхозов. Политика «ликвидации неперспективных сел» создавала естественную напряженность в якутских селах. Сельские жители очень боялись массовых переносов поселений по прямому и безальтернативному указанию «сверху». Убеждение о всемогуществе власти, способной принять судьбоносное решение, было распространенным явлением. Для сельчан это означало не только экономический ущерб и затраты, но и социальные потери, включая аспект ожидаемого разрыва с культурным наследием, «потери корней».

В рассматриваемый период прямое участие партийно-государственной власти в регулировании не только сельскохозяйственного производства, но и непроизводственных сфер жизни села было характерным для всей страны. В принципе, усиление роли государства в развитии агропромышленного комплекса – проявление общемировой тенденции. Но советский опыт всеобъемлющего государственного регулирования всей сельской сферы – от производства до повседневной жизни – имел собственные издержки.

В наших исследованиях сельской повседневности Якутии обнаруживаются разнообразные конфликты в сферах соприкосновения конкретного человека и государственной власти, в частности в использовании общественного и личного времени, в распределении объемов государственного и семейно-частного труда, в организации подросткового и женского труда на производственных участках и т. д.

Относительно участия сельских женщин в общественной жизни и в производстве декларируемая особая забота о свободе труда и гендерном равенстве в реальности выглядела как равенство с мужчиной в трудовых нагрузках. Из массы фактов из трудовой повседневности сельских женщин в изучаемый период следует указать, прежде всего, на физические перегрузки. Так, по состоянию на 1979 г. в якутских совхозах среди женщин-рабочих механизированным трудом занимались только 14,4%, ручным трудом при механизмах и машинах – 0,5%. Остальная часть – 85,1% – работала на производстве (в основном, в животноводстве и растениеводстве – Л.В.) без применения машин и механизмов [4, с. 63].

Красноречивым результатом политики по отношению к сельским женщинам был начавшийся именно в это время исход молодых женщин из якутских сел. Это было обусловлено совершенно низким рейтингом сельскохозяйственных профессий: в начале 80-х гг. только 6% опрошенных девушек-старшеклассниц желали трудиться в совхозах, у юношей эта категория составляла 30%. Одним из факторов, провоцирующих миграцию молодежи из сел, были условия быта. В Якутии дефицит жилья – явление перманентное в течение всего обозримого прошлого. При этом, изученные нами отчеты руководства сельских районов по вопросу обеспеченности жильем в 1970 – 1980-е гг. выглядят обескураживающе оптимистически: основной их вывод формулируется так: «… все обеспечены жильем, бездомных нет». Как было выяснено, жильем на селе (по традиционному мышлению) считалось любое строение, пригодное для проживания; в домах могли проживать две – три семьи [8].

Большой заслугой государственной власти, вызывающей бесспорную благодарность, в изучаемый период сельские жители считали подъем уровня и качества своей жизни. При сопоставительном анализе документов и материалов устной истории заметна неприхотливость якутских селян, их умение радоваться скромным удобствам, быть счастливыми в условиях дефицита и дискомфорта. После колхозных десятилетий с коллективистским равноправием в общей бедности, включая нехватку даже очень скромного жилья, стало возможным улучшение жилищных условий.

В рассматриваемый период расширилось индивидуальное строительство в сельской Якутии, у жителей появилась возможность покупать современные стройматериалы, краску. Как свидетельство нового радостного этапа повседневной жизни, звучит следующее воспоминание: « … в семидесятые все молодые стали строиться, вот было счастье – собственный дом, да еще с шиферной крышей – дворец!» [9]. Нужно подчеркнуть, что информант ранее проживала в крохотном строении, приспособленном под жилье из производственного.

В аспекте взаимоотношений власти и сельских жителей сложившийся в региональной историографии тезис о социальном оптимизме 1970-х гг. в селах Якутии не совсем однозначен. Кроме бесспорно позитивных сдвигов в материальном и финансовом обеспечении рабочих новых совхозов, не были преодолены принципиальные противоречия в управлении и организации хозяйствования. Изучение условий труда открывает картину крайне напряженной работы людей как основы самого существования якутского села. При этом, было очевидно, что высокая интенсивность сельскохозяйственного труда при несовершенстве трудовых отношений оборачивалась, в целом, низкой эффективностью. Не снижалась себестоимость продукции, велики были вложения человеческих усилий добросовестных тружеников.

На повседневность сел воздействовала порождаемая административно-бюрократическим подходом двойственность содержания рабочих будней, например, социалистического соревнования, что отражено как в опубликованной литературе, так и в устной истории якутских сел. «… У нас в отделении совхоза организовали соцсоревнование. Одна выступила с призывом о повышении надоев, остальных обязали с ней соревноваться. В тот год с кормами было очень плохо, коровы тощие, молока мало. Так эта, якобы передовая, в свои ведра воды подливала. Жирность молока ей не мерили, в открытую же разоблачать – себе дороже, родную то племянницу председателя сельсовета… Она и в районную газету попала, и почетную грамоту с фондом (талон на приобретение дефицитных товаров – Л.В.) получила…», – рассказывала информант М.Н., работавшая дояркой в 1970-е гг. [10].

Характерно, что и через много лет информант эмоционально описывала тихое возмущение простых работниц такими вещами, как приписки, награждение недостойных, продвижение «родного человечка». Публично никто не выступал, что объяснимо в условиях маленького села, буквально пронизанного сетью клановo-родственных, соседских и производственных зависимостей каждого человека. Терпимость вышестоящей власти к сомнительным фактам в распределении почестей, материальных благ и замещении должностей только усиливала скепсис и недоверие у сельского населения.

Двойные стандарты постепенно становились частью повседневной жизни: можно было пропагандировать моральный кодекс строителя коммунизма и самому его не соблюдать, быть руководителем совхоза и …

пьяницей [11]. Анализ истории повседневности якутских сел 1970 – 1980-х гг. выявил процессы постепенного «нормирования» ненормального, легализации того, что в сельской социальной практике всегда осуждалось, не было принято. В повседневной жизни распространялись пьянство и лень, появилось немыслимое ранее в компактных социумах воровство общественной и государственной собственности.

На фоне формализации трудового режима, общего снижения производственной дисциплины четко прослеживались признаки эрозии трудовой культуры, сужения мотиваций у занятых в сельском хозяйстве. Показательны в этом плане итоги проверки эффективности труда в якутских совхозах, проведенной Комитетом народного контроля Якутской АССР в 1982 г. в разгар сельскохозяйственных работ в одном из районов: «… Совхозы за последние два года к 10 августа заготовляют лишь 41,1% сена против установленного Советом министров ЯАССР – 62%». Комитет отмечал отсутствие «… подъема после Майского 1982 г. и VI Пленума обкома КПСС, посвященных решению проблем сельского хозяйства и принявших известную Продовольственную программу». Кроме резкого (двухкратного – Л.В.) снижения темпов заготовки кормов, даже по сравнению с 1980 г., отмечается стратегически важное для сельской жизни явление: в справке указано, что из года в год снижается площадь выкашиваемых сенокосных площадей, закрепленных за хозяйствами [12]. Иначе говоря, сокращалось пространство, освоенное и окультуренное предыдущими поколениями сельчан. Видимо, так реализовались «… концентрация и специализация сельскохозяйственного производства», объявленные приоритетами аграрной политики на период 1970 – 1980-х гг.

Противоречия между официальной пропагандой и реальной ситуацией в сфере труда и быта, качества и уровня жизни рядовых тружеников села являются одними из наименее изученных и бедных источниками сюжетов сельской повседневности. Условия работы в подавляющем большинстве хозяйств оставались очень тяжелыми, доля ручного труда составляла более 80%. Между «плакатной» картиной организации и управления сельским хозяйством, производственными процессами и реальностью каждодневного труда, между «словом и делом» была значительная разница, рефлексируемая сельскими жителями.

В практике контактов представителей власти с сельскими жителями лица из республиканской номенклатуры посещали только райцентры и крупные села, чаще являющиеся центральными усадьбами совхозов. В отдаленные маленькие села, на производственные участки приезжали, в основном, представители районной власти. К визитам вышестоящих инстанций готовили заранее: например, о приезде рядового инструктора районного комитета компартии информировали, требовали подготовить все отчеты, всю текущую информацию. Нередко обговаривался весь сценарий встречи представителя власти с простым народом. Наши информанты вспоминают, что участникам общих собраний рекомендовался перечень «желательных» вопросов. В любом сельском социуме всегда была личность

или даже микрогруппа людей, сохранявших способность критически мыслить и высказывать собственную, порой нелицеприятную, точку зрения – с ними проводили «профилактическую беседу» либо старались временно удалить с места проведения встречи [13]. Можно сказать, что в сельской повседневности Якутии существовали свои неписаные «правила игры», они позволяли сохранять баланс отношений между разными уровнями власти и общества.

В этом свете обоснованно присутствие своеобразного фольклора в воспоминаниях бывших рабочих совхозов: частушек на якутском языке, поговорок и присловий, достаточно резко оценивающих повседневную реальность сельских тружеников. Осознавалось и наличие социальной дистанции между простым работягой и начальством разного уровня: например, управляющий отделением воспринимался более лояльно, в силу производственной и коммуникационной близости; начальство республиканского уровня воспринималось уже как живущее в ином мире, в другом пространстве. Симптоматична поговорка на якутском языке: «Халлаан юрдюк, ыраахтаагы ыраах – Дьокуускай тойонугар хотоммут кестубэт» («Небо высоко, царь далеко, начальству столичного Якутска наш коровник не виден» – Л.В.) [13]. Как видно, в старинный текст с упоминанием царя вставлено новое содержание.

Следует подчеркнуть ироничную специфику сельского фольклора Якутии (сохранившуюся до наших дней – Л.В.), это использование архаичной феодальной терминологии для обозначения начальства. Возможно, так в данном региональном контексте компенсировался психологический дискомфорт, порождаемый любой негибкой иерархией. В целом, при реконструкции восприятия власти в сельской повседневности Якутии 1970 – 1980-х гг. прослеживаются два основных ракурса: во-первых, люди осознавали вертикальную иерархию «строгой и сильной власти», относясь к ней с определенной долей уважительного страха; во-вторых, селяне оценивали власть как всемогущую и всезнающую силу, обязанную и способную решать все вопросы жизни.

Литература и источники:

1. Хатылаев, М. М. Политические деятели Якутии 1917 – 2003 годов: первые лица / М. М. Хатылаев. – М. : Омега, 2005. – 216 с.

2. Иванова, А. А. Высшие органы власти Якутии (1922 – 1928 гг.) / А. А. Иванова. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. – 183 с.

3. Ковлеков, С. И. Сельское хозяйство Якутии (1971 – 1985 гг.) / С. И. Ковлеков. – Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. – 119 с.

4. Винокурова, Л. И. Кадры сельского хозяйства Якутии. 1961 – 1985 гг. / Л. И. Винокурова. – Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. – 100 с.

5. Васильев, Я. Т. Региональная занятость и рынок труда: основы теории, функционирования и прогнозирования / Я. Т. Васильев. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. – 215 с.

6. Аргунов, И. А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни) / И. А. Аргунов. – Новосибирск : Наука, 1985.– 319 с.

7. Полевые материалы автора (далее ПМА – Л.В.). Информант Н.С., 1937 г.р., запись 2013 г. в Верхоянском улусе Республики Саха(Якутия).

8. Национальный архив Республики Саха(Якутия) (далее НА РС(Я) – Л.В.). – Ф. 3. – Оп. 237. – Д. 100. – Л. 32.

9. ПМА. Информант В.З.1948 г.р., запись 2008 г. Таттинском улусе РС(Я).

10. ПМА. Информант В.С., 1949 г.р., запись 2010 г. в Чурапчинском улусе РС(Я).

11. НА РС(Я). – Ф. 3. – Оп. 235. – Д. 33. – Л. 37 – 45.

12. НА РС(Я). – Ф. 50. – Оп. 62. – Д. 92. – Л. 35.

13. ПМА. Информант И.Б., 1926 г.р., запись 2001 г. в Таттинском улусе РС(Я).